

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

Опять о газетахъ...

A bon entendeur—demi mot. Впрочемъ, мысль, высказанная мною въ прошлый разъ, до такой степени проста и ясна сама по себѣ, что не требуетъ особеннаго развитія. Какъ бы ни пыхтели господа газетные сочинители, но для всякаго, въ томъ числѣ и для нихъ самихъ, если они дадутъ себѣ полчаса времени на мало-мальски серьезное размышленіе о своемъ положеніи, должно быть ясно, что они—не болѣе, какъ привать-звонари храма славы. Конечно, это относится только къ тѣмъ, которые пыжаты дать понять, что они кѣмъ-то и чѣмъ-то руководятъ. Скромные труженики, добросовѣстно сообщающіе факты, а равно тѣ немногіе, которые не мечтаютъ о непосредственномъ воздѣйствіи на практической ходъ государственной машины—эти почтенные люди въ счетъ не идутъ. Что же касается привать-звонарей, то высокій комизмъ ихъ торжественныхъ аллюровъ достоинъ большаго вниманія. Но такъ какъ они многочисленны и многообразны, хотя вся ихъ суть сводится къ немногимъ основнымъ общимъ чертамъ, то съ разу ихъ всѣхъ не обоймешь. Я хочу поэтому предложить читателю маленькое развлеченіе. Мы не будемъ классифицировать привать-звонарей или вообще штудировать ихъ систематически, а такъ возьмемъ, время отъ времени, какой нибудь отдѣльный типъ и огладимъ его немножко, можетъ быть, тщательнѣе, чѣмъ онъ самъ по себѣ заслуживаетъ; но въ видахъ общей характеристики привать-звонарей это будетъ небезполезно.

На первый разъ возьмемъ разновидность заграничнаго политическаго корреспондента, превосходный, по типичности, экземпляръ которой представляетъ парижскій корреспондентъ «Новаго Времени», подписывающійся «Parisien». Слѣдить за всѣми уморительностями этого уморительнаго челоуѣка нѣтъ нивакой надобности. Остановимся только на его разсказахъ о томъ, какъ онъ посѣщалъ французскихъ великихъ людей. До сихъ поръ, онъ побывалъ у Луи Влана и Виктора Гюго, но редація «Новаго Времени» торжественно объявляетъ, что «нашъ корреспондентъ общалъ дать намъ цѣлый рядъ подобныхъ статей о наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ Франціи разныхъ партій». Зна-

читать, г. Parisien, съ Божіей помощію, расскажетъ еще многое, съ пользою неизвѣстно для кого, но съ огромнымъ удовольствіемъ для себя и редакціи «Новаго Времени». Г. Parisien сходилъ сначала къ Луи Блану, а потомъ ужъ къ Виктору Гюго, но мы прослѣдимъ за его странствованіями въ обратномъ порядкѣ, то есть проводимъ его сначала къ Гюго.

«Я признаюсь, не безъ нѣкотораго трепета, говоритъ корреспондентъ:—распрашивалъ компетентныхъ людей о способахъ проникновенія въ святилище. Я ставилъ главнымъ образомъ три вопроса: 1) Въ какой формѣ являться? 2) Какъ называть поэта въ разговорѣ? 3) Какой предлогъ избрать для посѣщенія?» Заручившись нужными свѣдѣніями, корреспондентъ отправился. Самое поразительное изъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ у Гюго, было необыкновенное вниманіе къ его, корреспондента, личности. «Мг... Parisien, сказалъ Гюго какъ-то официально, но съ чудеснымъ поощрительнымъ выраженіемъ:—очень радъ, что меня посѣтили; я много слышалъ о васъ... (Я просто не вѣрилъ ушамъ, замѣчаетъ корреспондентъ). Мнѣ говорилъ о васъ почтенный Луи Бланъ, какъ о начинающемъ поэтѣ... нѣкоторымъ образомъ, представителѣ интеллигенціи вашей страны, и г. Поль Мёрисъ тоже много хорошаго—я очень радъ!» «Скажу безъ всякаго самохвальства, говоритъ корреспондентъ:—Гюго нѣсколько интересовался мною, благодаря, вѣроятно, тому обстоятельству, что мои «двадцать съ чѣмъ-то» дѣлали меня безусловно юнѣйшимъ изъ всей компаніи, а мое положеніе, какъ спеціальнаго корреспондента большой газеты, да еще корреспондента политическаго, причисляло меня дѣликомъ къ компаніи «старшихъ». Посидѣвъ, посидѣвъ корреспондентъ, полюбовался на себя, вдругъ видитъ: входитъ новый гость—Наке. Онъ сейчасъ къ нему: такъ и такъ, говоритъ, желаю познакомиться. «Наке пробормоталъ какую-то любезность, кончивши опять же на томъ, что онъ слышалъ обо мнѣ (корреспондентѣ) отъ Луи Блана... Господи! подумалъ я:—неужели же это Луи Бланъ такъ обрадовался, открывши нѣкоего Parisien, что рапортовалъ объ этомъ всѣмъ свѣтиламъ? Тѣмъ лучше!» («Новое Время», №№ 711-й и 712-й).

И такъ, старый болтунъ Луи Бланъ былъ до такой степени польщенъ честію и удовольствіемъ знакомства съ г. Parisien, что пошелъ объ немъ благовѣстить по всѣмъ знакомымъ: вотъ, дескать, какой адамантъ мнѣ наверхулся. Разумѣется, всяко бываетъ. Возможенъ и адамантъ—русскій корреспондентъ, блестящій столь необычайными достоинствами, что такіе бывалые, всякихъ видовъ навидѣвшіеся, на всякую мразь и на всякое величіе насмотрѣвшіеся люди, какъ Луи Бланъ или Викторъ Гюго, любуются на него и не могутъ налюбоваться. Я готовъ, поэтому, вѣрить—оно же и лестно русскому сердцу—что въ салонѣ Гюго г. Parisien былъ звѣздой первой величины и что Луи Бланъ трезвонилъ объ немъ по всему Парижу. Но любопытно все-таки знать, чѣмъ именно такъ блистательно заявилъ себя нашъ ада-

мантъ передь Луи Бланомъ. Для разъясненія этого обстоятельства, я долженъ почти цѣликомъ перепечатать одну изъ корреспонденцій г. Parisien.

«Луи Бланъ стоялъ у стола и застегивалъ на всѣ пуговицы небольшой сѣрый пиджачекъ. Послѣдовалъ уморительная сцена. Онъ началъ разглядывать меня, я—рѣшать головоломный вопросъ: и что мнѣ такого необыкновеннаго? Наконецъ, меня просвѣтилъ свыше: виновенъ всему мой фракъ и мои перчатки «гриперль»! Какъ оказалось послѣ, здѣсь сердечность приема обратно пропорциональна костюму.

— Я хотѣлъ познакомиться съ вами, началъ я какъ-то неловко... въ такой важный политическій моментъ, когда... и т. д... услышать мѣткіе такого человека, какъ вы, было бы крайне интересно...

Не помню хорошо, но вышло что-то въ этомъ родѣ...

— Вы корреспондентъ русской газеты, да? Видите: «*Novoue Vremia*», такъ? По наслышкѣ немножко знаю... но направленіе его мнѣ совершенно неизвѣстно.

Я постарался, конечно, объяснить наше направленіе и упомянулъ о томъ, что мы проводимъ національную идею.

— Это какую же? не безъ прони, да еще самой ядовитой, спросилъ Луи Бланъ.

«Ужъ будто не знаете?» хотѣлось мнѣ спросить его. Меня немножко кольнула эта чисто французская сторона вопроса. Точно какъ будто монополія поставки идей на все человечество принадлежитъ исключительно 1789 году и точно будто всякое национализированіе, сопряженное съ неизбежной дальнѣйшей разработкой и видоизмѣненіемъ идеи, составляетъ святотатство.

— Неужели же вы отрицаете въ русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ, въ его лучшей части, двѣ замѣчательнѣйшія стороны: ассимилированіе необходимо легкое всякой сколько-нибудь высокой идеи и неудержимое стремленіе къ ея несенію дальѣе?..

— Несеніе дальѣе? Знаете вы, что это такое? Вотъ я вамъ объясню: Франція теперь знаетъ ничего не хочетъ про всѣ европейскія дрязги. Она занята громаднѣйшей внутренней работой: передѣлкой всего государственнаго строя, социальныхъ отношеній, борьбой съ капиталомъ и монахомъ, и эта работа, начинающаяся настоящимъ образомъ только теперь, ставитъ Францію снова на сто лѣтъ впереди всѣхъ. Уже самое это положеніе обращаетъ на нее взглядъ всѣхъ другихъ народовъ. Всѣ смотрятъ на идеи нашихъ работниковъ и учатся. Вотъ какъ я понимаю несеніе идеи... и у меня громадный примѣръ, если хотите, на лицо: идеи первой революціи пронеслись по всему міру... идеи нашей ближайшей, т. е. виноватъ, будущей республики пронесутся точно также... а самое главное—они пронесутся не штыкомъ, не бомбой, а какой-нибудь брошюрой, живымъ словомъ, наконецъ, *bulletin de vote*—вы понимаете мою мысль.

— Какъ же, я имѣлъ удовольствіе васъ слышать на погребеніи Распайя...

— И потому вы поймете, продолжалъ Луи Бланъ:—что я заклятой врагъ войны; я понимаю войну оборонительную, когда на народъ нападаютъ...

— А война во имя идеи—война для освобожденія?..

Луи Бланъ чуть не засмѣялся; когда онъ подпрыгнулъ на своемъ стулѣ, я понялъ, что онъ только изъ вѣжливости не воскликнулъ: «эхъ, вы, русскіе!»

— Ну, и какая же это война за освобожденіе—кого, чего? Тутъ дѣло просто идетъ объ устьяхъ Дуная, которыя нужны Россіи, о свободѣ плаванія черезъ какіе-нибудь проливы, наконецъ, если хотите, о защитѣ христіанства—

о водруженіи креста вмѣсто луны; ну, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ и популярность выигрывается, и сознанія приобрѣтаются, и вліаніе...

— Оставимъ въ сторонѣ и устья Дуная и Константинополь, скажемъ я:—и позвольте мнѣ поставить вопросъ другимъ образомъ. Послѣ этой войны, число вѣщество увеличится нѣсколькими милліонами новыхъ гражданъ, которіе будутъ, можно сказать, брошены въ добычу цивилизаціи и свободы. Признаете ли вы на этихъ балканскихъ славянахъ громадную заслугу русскаго народа передъ цѣлымъ человѣчествомъ?

— Вопросъ поставленъ хорошо, замѣтилъ Луи-Бланъ:—но вотъ что я вамъ скажу: объ этихъ милліонахъ Европа заботилась гораздо больше; для нихъ, можно сказать, вытребовали и конституцію, и полную свободу — имъ были открыты всѣ пути къ мирному прогрессу. Россія этого не допустила, она пошла ихъ освобождать раг violence.

Луи-Бланъ вѣрить въ дѣйствительность турецкой конституціи! Признаюсь вамъ, меня это обидѣло—да, обидѣло! Пусть проповѣдуютъ это «N. F. Presse», всѣ жида Вѣны и Цешта, лордъ Виконсфилдъ и даже старикъ Кошутъ — я не удивлюсь. Но Луи-Бланъ, ультра-соціалистъ и радикалъ, говоритъ подобныя вещи!.. Точно, въ самомъ дѣлѣ, конституція какіа-нибудь модная панталона; надѣвши ихъ, варварство превращается въ цивилизацію, дикій пама и эфенди сразу вѣшаетъ на стѣнку свой кнутъ и анджаръ... Нашъ диспутъ перешелъ незамѣтно на скользкую почву внутряннихъ отношеній Россіи... Я замѣтилъ въ этомъ передовомъ человѣкѣ, одномъ изъ самыхъ яркихъ умовъ французскаго народа, ту же горькую иронію, ту же односторонность и то же... пренебреженіе и невниманіе, которое поражало меня во всѣхъ публицистахъ Запада, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться. Когда, наконецъ, я перешелъ къ французскимъ дѣламъ, Луи-Бланъ замѣтилъ очень любезно:

— Мои взгляды совершенно солидарны съ республиканскими органами. Читайте «Varrel» и другія газеты.

Замѣтъ хованія сталъ мѣшать уголья въ горѣвшемъ каминѣ, давая этимъ понять, что визиту пора окончиться.

Я сталъ прощаться...

Трудно передать вамъ то впечатлѣніе, которое произвела на меня эта маленькая, сморщенная фигура съ повисшимъ къ низу носомъ, характерными складками морщинъ на лбу и около губъ, и съ глазами, глубокими, умными—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какими-то холодными и злыми. Отъ Луи-Блана вѣяло холодомъ, чувствовалось, что онъ умѣетъ глубоко презирать и ненавидѣть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не видѣлось ни одной искорки той чудной душевной теплоты, которая составляетъ такую чарующую силу именно въ великомъ человѣкѣ, будь даже онъ самымъ отчаяннымъ политическимъ врагомъ.

Если читатель нѣсколько напряжетъ воображеніе и воспроизведетъ эту картину свиданія русскаго адаманта съ Луи-Бланомъ живьемъ, въ лицахъ, то, безъ сомнѣнія, ему станетъ ясно, почему глаза стараго француза были «холодны и злы»; почему на приглашеніе адаманта перейти къ французскимъ дѣламъ онъ «очень любезно» отказался отъ бесѣды и тотчасъ же «сталъ мѣшать уголья въ каминѣ». А! старому французу съ такими холодными глазами слишкомъ близки и святы домашнія дѣла своей родины, чтобы онъ могъ спокойно смотрѣть, какъ г. Parisien начнетъ ихъ безцеремонно перемалывать жерновами своей мельницы. Но г. Parisien очевидно еще многое скрытъ. Такъ онъ ничего не

приводить изъ разговора на тему «внутреннихъ отношеній Россіи», заявляя только, что такой разговоръ былъ и что Луи Бланъ обнаружилъ въ немъ «пронию», «пренебреженіе» и «невниманіе». Далѣе, Луи Бланъ рекомендовалъ Виктору Гюго адаманта, какъ «начинающаго поэта и представителя интеллигенціи своей страны», а рекомендовать его такъ онъ могъ только со словъ самаго корреспондента, каковыя слова корреспондентомъ не опубликованы. А словечки, должно быть, были хорошия. Надо замѣтить, что корреспонденція о Луи-Бланѣ не ограничивается описаніемъ вѣзита. Къ нему придѣлана еще характеристика Луи Блана, изъ которой мы узнаемъ, между прочимъ, что «въ своей знаменитой теоріи организація труда Луи Бланъ требовалъ безусловно одинаковой платы для всѣхъ производителей, но въ противоположность Фурье допускалъ отдѣльное вознагражденіе таланту, умственному труду и художеству»; что во времени изгнанія Луи Блана «относится почти вся его *Histoire de dix ans*»; что «къ этому же времени относится его пропаганда знаменитой позитивной философіи Огюста Конта въ Англии». Все это—чистый вздоръ. Во-первыхъ, «отдѣльное вознагражденіе таланту, умственному труду и художеству» при равенствѣ заработной платы есть бессмыслица, въ которой Луи Бланъ совершенно неповиновенъ. Во-вторыхъ, «вознагражденіе таланту» никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено «въ противоположность Фурье», такъ какъ именно во формулѣ Фурье (и въ этомъ ея особенностъ) продуктъ распределяется между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Въ-третьихъ, *Histoire de dix ans* написана въ сороковыхъ годахъ, а не во время изгнанія. Въ-четвертыхъ, Луи Бланъ пропагандой позитивизма никогда не занимался. И все это еще далеко не весь вздоръ господина Parisien, обязательно предложенный «Новымъ Временемъ» своимъ читателямъ. Примите въ соображеніе, что корреспондентъ пишетъ изъ Франціи, что онъ готовился къ встрѣчѣ съ Луи Бланомъ, что существуетъ множество книжекъ, изъ которыхъ онъ могъ бы получить всѣ нужныя свѣдѣнія о личности человѣка, къ которому врывается въ перчаткахъ «гриперль» и «шапоклякъ» на головѣ, но съ довольно скромнымъ багажемъ въ головѣ. Трудно даже себѣ представить чего наслушался Луи Бланъ отъ этого развязнаго приватзвоняра въ шапоклякѣ, отъ этого забубеннаго представителя «свѣта съ востока», считающаго себя серьезнымъ представителемъ серьезной политической печати. Но зато легко себѣ представить что шепнулъ Луи-Бланъ Виктору Гюго и Наке насчетъ прелестей нашего адаманта. А онъ, бѣдный, удивляется, что всѣ на него обращаютъ вниманіе, благодаря болтливости Луи Блана! Онъ принимаетъ за чрезвычайную любезность снисходительно-презрительное отношеніе къ себѣ и твердо вѣрить, что высоко несетъ знамя «спеціального корреспондента большой газеты, да еще корреспондента политическаго», что честь русской

печатн и «національной идеи» блистательно поддержана нмъ въ салонахъ парижскихъ знаменитостей. Рѣднй, наивнй привать-звонарь! Онъ почти такъ же непороченъ и чистъ душой, какъ Иванъ Александровичъ Хлестановъ въ моментъ изумительнаго лганья о тридцати тысячахъ курьеровъ. И такъ-то всѣ они: за душой—ничего, хотъ наромъ покати, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшая увѣренность въ серьезности и величїи своей мисси. Читатель долженъ понимать, что это совсѣмъ не случайность. Разъ человекъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, возмнеть себя руководителемъ, онъ обреченъ своей злосчастной судьбой на цѣлый рядъ комическихъ положенїй. И для него лично весь вопросъ состоитъ только въ томъ: какая именно роль выпадеть на его долю—Пьеро? Арлекина? Коломбинъ? Дѣло, однако, въ томъ, что существуютъ третїя лица, читающая публика, передъ глазами которой разыгрывается арлекинада и которая можетъ быть введена въ заблужденїя, болѣе или менѣе для нея пагубныя. Когда привать звонари продѣлываютъ свои штуки съ безприщивною «святою простотою» господина Parisien, они только комичны и право даже руки опускаются передъ этой простотою. Какъ въ самомъ дѣлѣ быть съ человекомъ, имѣющимъ голову до того прочно устроенную, что отъ нея, какъ отъ заволдованнаго воина, даже пуля отскочить. Досадно, конечно, что вотъ читатели «Новаго Времени» получаютъ совсѣмъ превратныя понятїя о Луи Вланъ, ну и стыдно немножко быть соотечественникомъ Parisien, но все это простить можно—за простоту. Но непоколебимость, обнаруженная нашимъ адамантомъ, попадаетъ въ природѣ не на каждомъ шагу. Въ другихъ его товарищахъ по звонарскому ремеслу невѣжество и развязность осложняются еще разными ухищренїями, подходами и подвохами, имѣющими не только комическую сторону. Объ нихъ, впрочемъ, въ другой разъ когда-нибудь.

Теперь о комикъ журналахъ.

«Новый журналъ, подобно новому лицу, въ первый разъ являющемуся въ незнакомое общество, обращаетъ на себя всеобщее пытливое и пристальное вниманїе и вызываетъ цѣлый рой вопросовъ: кто? откуда? почему? и зачѣмъ? что онъ собирается дѣлать? какїе у него планы и замыслы? Какїя цели и пробѣлы въ литературѣ онъ собирается конопатить и какою палкой? что у него самого есть въ головѣ—а кто-нибудь прибавить даже — и въ карманѣ? и т. д.»

Такъ начинается старинный знакомецъ русской читающей публики г. Антоновичъ свою статью «Современное состоянїе литературы» въ № 1 новаго учено-литературно-политическаго журнала «Слово». «Всеобщее, пытливое и пристальное вниманїе» изображено здѣсь красками немножко слишкомъ яркими. Такихъ волненїй изъ-за новаго журнала не бываетъ по нынѣшнему времени, когда предѣлы литературныхъ вольностей такъ ясно обозначены, что читатель не можетъ питать никакихъ иллюзїй на

этот счет, и когда литературный персонал так не велик, что читатель знает его чуть не как свои пять пальцев. А объ нашемъ братѣ писателѣ, затанутомъ въ водоворотъ журнальщины, и говоритъ нечего. Кто? откуда? почему и зачѣмъ? и т. д.—всѣ эти вопросы для насъ рѣшительно не существуютъ. Относительно всякаго новаго журнала, если, разумеется, онъ не спеціальный, мы очень хорошо знаемъ союзникъ ли онъ нашъ или противникъ и въ какомъ именно смыслѣ союзникъ, въ какомъ противникъ. Такъ хорошо знаемъ, что даже досадно: на сюрпризъ рассчитывать нельзя. Однако, новый журналъ представляеть все таки любопытное явленіе. Новый журналъ—совсѣмъ не то, что «новое лицо, въ первый разъ являющееся въ незнакомомъ обществѣ». Новое лицо сплошь и рядомъ является въ незнакомомъ обществѣ съ самыми скромными цѣлями, въ родѣ, на примѣръ, желанія послушать умныхъ рѣчей или хорошей музыки, смиренно ухватить въ лучахъ чьей-нибудь славы или представиться генералу X и княгинѣ Z, довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на свѣтѣ живетъ господинъ Добчинскій, или сообщить читателямъ «Новаго Времени», что Луи Бланъ и Викторъ Гюго свидѣтельствуютъ свое почтеніе г. Суворину. Новый журналъ, напротивъ, есть всегда носитель нѣкоторой, и не маловажной претензіи. Если даже онъ затѣвается съ чисто карманными цѣлями, такъ и то ему нельзя быть простымъ сполкомъ съ существующихъ журналовъ, потому что кто же станетъ его читать въ такомъ случаѣ? Онъ претендуетъ либо на новую программу, либо на свѣжія литературныя силы, либо на умѣнье сгруппировать около себя извѣстнымъ образомъ силы наличныя. Все это претензіи, очень и очень не малыя, какъ сами по себѣ, такъ въ особенности по своеобразному у насъ значенію ежемѣсячныхъ журналовъ, которые, въ виду малаго развитія литературы книжной и полнаго отсутствія нелитературныхъ способовъ воздѣйствія на общество, составляютъ для послѣдняго единственное воспитательное учрежденіе. Новый журналъ, по своимъ претензіямъ и по требованіямъ, какія ему могутъ быть предъявлены, не можетъ быть сравниваемъ не только съ новымъ лицомъ, являющимся въ незнакомое общество, но даже съ начинающимъ писателемъ. Новый писатель цѣнится по тѣмъ задаткамъ, которые онъ представляетъ, и нѣкоторые изъяны въ его талантѣ, познаніяхъ, и проч., еще ничего не говорятъ противъ его будущности, быть можетъ, самой блестящей. Новый журналъ не долженъ рассчитывать на такое снисходительное отношеніе къ себѣ, потому что выступаетъ, какъ нѣчто подготовленное и готовое, законченное. Онъ можетъ, разумеется, развиваться въ смыслѣ улучшенія самой механики журнальнаго дѣла, въ смыслѣ привлеченія большаго числа и лучшихъ литературныхъ силъ, но характеръ его долженъ опредѣлиться съ разу. Молодому, начинающему писателю можетъ не совсѣмъ ясно представляться

его собственная задача, и въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды: онъ никому ничего формально не общаетъ, не общаетъ даже оставаться писателемъ. Новый журналъ, напротивъ, общаетъ многое.

Вотъ почему новые собраты извиняютъ меня за нѣкоторыя замѣчанія, которыя покажутся имъ быть можетъ слишкомъ строгими. Такихъ собратовъ насчитывается съ новаго года трое: совершенно новый учено-литературный журналъ «Историческая Библиотека», «Слово» преобразованное изъ «Знанія», и слегка видоизмѣненная ежемѣсячными приложениями «Недѣля».

Задача «Исторической Библиотеки» состоитъ въ томъ, чтобы «содѣйствовать русскому образованному обществу къ восполненію его историческихъ знаній, возможно болѣе доступными для него путями, сводящимися къ популяризаціи исторій въ лучшихъ ея видахъ». Подъ «лучшими видами популяризаціи исторій» редакция разумѣетъ историческую беллетристику и собственно популярно-историческія статьи. Задача очень почтенная, но за то и очень трудная. Во-первыхъ, исторія есть и во времени, и въ пространствѣ — «дистанція огромнаго размѣра». Драки Брюциславичей съ Вячеславичами, колонизація Америки, наполеоновскіе походы, исходъ евреевъ изъ Египта, французская революція, смерть Кира, битва при Ментанѣ, пуническія войны, ростъ Пруссіи, пугачевскій бунтъ, и проч., и проч., и проч.—все это есть достоинство исторіи и надо же имѣть какую-нибудь руководящую нить, чтобы мало-мальски разобраться въ этомъ безконечномъ разнообразіи. Надо же имѣть какую-нибудь цѣль, кромѣ простого «восполненія историческихъ знаній». Разъ-товаръ предлагается въ такомъ ужасающемъ количествѣ и разнообразіи, необходимо дѣлать выборъ, и выборъ этотъ долженъ имѣть за себя какое-нибудь оправданіе. Значить, людямъ, предпринявшимъ изданіе въ родѣ «Исторической Библиотеки», надлежитъ имѣть, помимо обширныхъ знаній, еще очень опредѣленный взглядъ на историческую перспективу и опредѣленные историческія цѣли. Самы по себѣ препирательства Брюциславичей съ Ярославичами представляютъ совершенно такіе же историческіе факты, какъ и французская революція, и объединеніе Германіи, и т. д. Предлагаемая читателю тѣ или другіе, журналъ долженъ имѣть въ виду степень ихъ важности въ данную минуту и для даннаго общества, а эту разборку произвести далеко не легко, по крайней мѣрѣ, далеко не всякому легко. Что касается исторической беллетристики, то объ известномъ ея сортѣ еще Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что стоять разъ осмѣлиться, а тамъ ужъ нетрудно набить руку. Но мало-мальски сносный историческій романъ требуетъ очень рѣзкаго соединенія короткаго знакомства съ эпохой и своеобразнаго и недюжиннаго таланта. «Воспоминанія историческія знанія» романомъ можно пожалуй лучше даже, чѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ,

потому что романъ уже предполагаетъ изслѣдованіе, заключаетъ его въ себѣ, но говоритъ живыми образами. Однако, романъ для этого долженъ быть очень хорошъ. Загоскинскими романами ничего не восполнишь, какъ не восполнишь и улюбками въ родѣ утомительнаго «Холопа» г. Костомарова, печатающагося теперь въ «Новомъ Времени».

Въ сожалѣнію, редакція «Исторической Библіотеки», очевидно, очень далека отъ пониманія обширности и важности своей задачи. Беллетристика представлена въ № 1 совершенно бездѣльнымъ очеркомъ г. Голубева «изъ дѣлъ сыскаго приказа московскаго архива министерства юстиціи» и «романомъ-хроникой» г. Вс. Соловьева¹ «Капитанъ гренадерской роты». Это именно изъ тѣхъ историческихъ романовъ, для изготвленія которыхъ въ какомъ угодно количествѣ надо только осмѣлиться. На будущее время обѣщаны: «Прекраса», романъ изъ жизни сѣверныхъ славянъ X вѣка г. Ладова, «Престолье и монастырь», повѣсть конца XVII вѣка г. Ш—ва и «Любовь Марата», романъ Мете. Уже одинъ этотъ виноградъ изъ Прекрасы и Марата показываетъ, что редакція «Исторической Библіотеки» намѣрена носиться по волнамъ безбрежнаго океана исторіи безъ кормила и весла. А этапъ и утонуть можно. Научный отдѣлъ перваго номера состоитъ изъ поражающаго отсутствіемъ горь и пронастей, то есть совершенною плоскостью, «историческаго этюда» самого надателя редактора г. Полежаева—«Московское княжество въ первой половинѣ XIV вѣка» и сухого переводнаго историческаго очерка—«Россія и Турція». Въ концѣ концовъ: скучно, скучно и вѣнужно.

Гораздо интереснѣе «Слово». Когда я прочиталъ объявленіе объ изданіи «Слова» съ перечисленіемъ именъ сотрудниковъ, болѣе или менѣе мнѣ симпатичныхъ, я былъ искренно обрадованъ. Конкуренція, думалось мнѣ, которая можетъ возникнуть между двумя органами печати, имѣющими нѣкоторыхъ общихъ сотрудниковъ, никогда не приметъ грязныхъ формъ личныхъ перебранокъ или какихъ нибудь подвоховъ изъ подтишка, и вообще ничего, кромѣ пользы какъ читателямъ обоихъ журналовъ, такъ и самимъ журналамъ, принести не можетъ. Меня не пугало даже страшное имя г. Антоновича, когда-то прославившагося большею охотою и совершеннымъ неумѣніемъ полемизировать. И г. Антоновичъ съ перваго же номера «Слова» оправдалъ мое безстрашіе. Правда, онъ пытается утаить въ мѣшкѣ нѣкоторое шило (объ этомъ ниже), онъ строгъ, не справедливъ и вполнѣ

¹ Кстати о г. Вс. Соловьевѣ. Нашъ рецензентъ его произведенія «Княжна Острожская» (см. прошлый № «Отч. Записокъ») смѣшалъ двухъ братьевъ: Владимира Соловьева—философа и Всеволода—беллетриста. Вѣрнѣе сказать, онъ ихъ смѣлъ въ одно лицо. Передъ которымъ долженъ онъ извиниться за эту ошибку—не знаю. На всякій случай, онъ извиняется передъ обоими.

джентльменски приличенъ. Онъ требуетъ солидаризаціи писателей одинаковаго примѣрно образа мыслей, хотя и работающихъ въ разныхъ органахъ, онъ требуетъ добросовѣстности и приличія въ полемикѣ, горячаго интереса къ литературному дѣлу и многихъ другихъ хорошихъ вещей. Даже его строгость производитъ приятное впечатлѣніе: человекъ, очевидно, ясно понимаетъ свою задачу, вылить и мѣнять свой цвѣтъ не намѣренъ и вообще относится къ дѣлу крайне серьезно, чего весьма естественно и отъ другихъ требуетъ. Строгость эта, надо, однако, замѣтить, принадлежитъ въ «Словѣ» не одному г. Антоновичу. Въ толькo что вышедшемъ № 3 литературнымъ обзорѣиємъ занять, кромѣ г. Антоновича, еще нѣкто г. Топорнинъ, чрезвычайно недовольный тѣмъ, что въ наше время «подъ одной обложкой, за сѣрѣйкой одного и того же редактора, вы найдете представителей радикально противоположныхъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ». Я прошу читателя запомнить эти справедливо негодующія слова, потому что они имѣютъ ближайшую связь съ однимъ разочарованіемъ, испытаннымъ мною по отношенію къ «Слову».

Я былъ, впрочемъ, отчасти приготовленъ къ разочарованію. Дѣло въ томъ, что журналъ «Знаніе», особенно въ послѣдніе годы, когда нѣсколько попристальнѣе занялся вопросами социологическими, допускалъ на свои страницы произведенія — оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ихъ достоинствахъ — весьма разнообразнаго и иногда прямо противоположнаго характера. Можетъ статься, такъ и быть должно въ изданіи, хотя и популярномъ, но все-таки научномъ, смотрящемъ на вещи съ нѣкоторой высоты, съ которою исчезаютъ многія подробности. Можетъ статься, научное изданіе, самую программу своею удаленное отъ непосредственнаго сосѣдства житейскихъ тревоженій, должно, въ видахъ безпристрастія, сосредоточивать въ себѣ разнообразныя точки зрѣнія, лишь бы они удовлетворяли самымъ общимъ и элементарнымъ требованіямъ научности. Я этого вовсе не думаю и допускаю оправданіе такихъ противорѣчій только потому, что теперь не о «Знаніи» рѣчь. Хорошо ли, дурно ли оно велось, но «Слово» такъ вестись не можетъ. Редакція «Слова» и сама, конечно, это очень хорошо понимаетъ, и вотъ почему она, въ лицѣ гг. Антоновича и Топорнина, такъ строга, но справедлива. Но тутъ замѣшалась несчастная судьба слова «научность». Почему-то съ понятіемъ научности срослось представленіе либо какого-то страннаго сухаря, либо чего-то необыкновенно величественно-холоднаго и, такъ сказать, поднебеснаго на манеръ птицы, рѣющей въ облакахъ, или снѣговой вершины Монъ-блана. На что г. ла-Серда — человекъ самъ ученый и преданный наукѣ, а и тотъ разумѣетъ науку въ видѣ свѣтло-холодныхъ, равнодушныхъ, гордыхъ и, главное, далеко не всѣмъ доступныхъ, суровыхъ, почти грозныхъ вершинъ («Слово», № 3, 154). При этомъ обыкновенно упускается

изъ виду, что Монъ-бланъ, конечно, красивъ и величественъ, но еслибы онъ былъ человѣкъ, онъ былъ бы глупъ и жалокъ въ своей величественной позѣ и со своимъ лбомъ, упертымъ въ облака. Какъ бы то ни было, но Монъ-бланъ такъ приросъ къ «научности», что когда слово это употребляется не въ смыслѣ противоположности метафизикѣ или теософіи, а вообще, какъ нѣчто самоодовлѣющее, меня начинаютъ одолевать разныя сомнѣнія и подозрѣнія. Такъ было и по отношенію къ «Слову». Въ объясненіяхъ отъ редакціи и объявленіяхъ говорилось, что новый журналъ останется вѣренъ началамъ, положеннымъ въ основаніе «Знаціи»; что содержаніе его будетъ носить научный характеръ; что онъ будетъ имѣть особый научный отдѣлъ; что живые вопросы русской дѣйствительности будутъ разсматриваться съ научной точки зрѣнія; что въ отдѣлѣ произведеній изящной словесности будутъ прилагаться начала научной эстетики. Къ послѣднему пункту прибавлялась, впрочемъ, оговорка: «вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ неуклонно держаться приемовъ той критической школы, которая отъ литературныхъ произведеній требуетъ не только художественности, но и жизненной правды.—правдивости и гуманности». Все это меня нѣсколько смущало. Научность въ смыслѣ Монъ-блана есть уже цѣлая программа отношеній къ текущей жизни и притомъ такая, выдержать которую для литературно-политическаго журнала рѣшительно нѣтъ возможности. И еслибы «Слово» остановилось на такой именно якобы научности, то ему пришлось бы неизбежно впадать въ противорѣчія и печатать, по выраженію г. Топорнина, «подъ одной обложкой и за скрѣпной оградой и того же редактора», вещи совершенно несомѣстныя.

Опасенія мои, къ сожалѣнію, оправдались. Приложенія начала научной эстетики еще пока нѣтъ въ трехъ вышедшихъ номерахъ «Слова», какъ нѣтъ многого изъ того, что было обѣщано редакціей и что, безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени будетъ ею представлено. Но Монъ-бланъ научности есть. Есть и его неизбежное послѣдствіе—помѣщеніе подъ одной обложкой совсѣмъ разныхъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ. Особенно ясно выразилось это обстоятельство въ № 2, гдѣ рядомъ помѣщены статьи Фра-Моріеля «Король свободной Италіи» и корреспонденція Андре Лео «Изъ Италіи». Если читатель потрудится прочесть эти статьи одну вслѣдъ за другой, то онъ, навѣрное, будетъ не мало изумленъ. Фра-Моріель чрезвычайно доволенъ Викторомъ-Эммануиломъ и утверждаетъ, что имъ чрезвычайно довольна вся «свободная Италія». Андре Лео, напротивъ, объясняетъ, что покойнымъ королемъ довольна только «высшая буржуазія, набившая себѣ карманы подъ покровительствомъ власти». Вообще вся статья Фра-Моріеля построена въ томъ смыслѣ, что Италія, благодаря Виктору Эммануилу, представляетъ собою нѣкоторое подобіе земного рая, въ которомъ всѣ чувствуютъ себя прекрасно. Андре Лео, напротивъ, расска-

знаеть, что въ Италіи мелкіе чиновники и мелкіе лавочники «бывалько мрутъ съ голоду», что въ Ломбардіи «люди бѣдствуютъ, не имѣя ни пищи, ни крова», что въ Венеціанской Области «не живутъ, а мрутъ, по словамъ одного крестьянина, приводимымъ итальянскимъ поэтомъ». Корреспондентъ «не рѣшается даже приводить оборотовъ и тона, въ которыхъ выражались при немъ бѣдняки «contadini» о томъ, котораго величаютъ теперь отцомъ отечества». Понятно изумленіе человѣка, прочитавшаго такія двѣ статьи подрядъ. А между тѣмъ, противорѣчивость ихъ даже гораздо серьёзнѣе и глубже, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Не въ томъ только тутъ дѣло, что Фра-Моріель и Андре Лео рисуютъ одни и тѣ же явленія въ диаметрально-противоположномъ свѣтѣ. Самыя ихъ точки зрѣнія на народную жизнь диаметрально противоположны, а это пуще всего важно для русскаго литературно-политическаго журнала. Еще не Богъ знаетъ какая бѣда, если читатели «Слова» собьются насчетъ значенія слезъ, пролитыхъ надъ гробомъ Виктора Эммануила. Конечно, и это не хорошо, но все-таки тутъ дѣло идетъ объ одномъ опредѣленномъ фактѣ или группѣ фактовъ. Но если читатели будутъ систематически сбиваться съ толку по отношенію къ углу зрѣнія, подъ которымъ надо смотрѣть вообще на историческія событія, такъ это будетъ совсѣмъ прискорбно. И въ особеннсти у насъ. Европейскій человѣкъ встрѣчаетъ такую поддержку въ своей обстановкѣ, въ условіяхъ политическаго быта, что его не легко сбить съ извѣстной точки зрѣнія, выработанной самою жизнью. Событія своей родины, событія китайскія, русскія и вслѣдъ другія онъ можетъ дѣлать правильно или неправильно, но всегда осмысленно, благодаря опредѣленности своей точки зрѣнія. Русскій человѣкъ находится въ совсѣмъ иномъ положеніи и, смѣло говорю, нигдѣ, кромя литературно-политическихъ журналовъ, онъ не можетъ получить политическаго воспитанія, конечно, обстоятельствами очень ограниченнаго. Значить, вводить сюда двусмысленность отнюдь не годится.

Разница между Андре Лео и Фра-Моріелемъ, кромя прямо противорѣчивыхъ фактическихъ показаній, состоитъ въ томъ, что первый дѣлаетъ главнымъ образомъ социальную сторону новѣйшей исторіи Италіи, второй—исключительно политическую. Эту послѣднюю точку зрѣнія очень пространно развиваетъ и оправдываетъ г. И. Л. въ любопытной статьѣ «Начала европейской политики» (№ 1). Статья эта въ самомъ дѣлѣ любопытна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно многословна и скучна. Авторъ—политическій хроникѣръ журнала—придумалъ совершенно необыкновенный приемъ для оцѣнки текущихъ дѣлъ въ западной Европѣ. Приемъ этотъ хорошъ, по словамъ автора, тѣмъ, что «съ одной стороны онъ дѣлаетъ ненужнымъ эмпирическое изложеніе текущихъ событій, болѣе подходящее къ условіямъ газе-

ты, а не журнала, съ другой—устраняетъ чисто личные соображенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обладающія точностью и правдивостью». Мы, очевидно, съ разу попадаемъ на снѣговую вершину Монъ-Блана. Только тамъ можно писать политическую хронику безъ фактовъ и безъ личныхъ взглядовъ, а въ болѣе низменныхъ мѣстахъ земного шара это—дѣло еще невиданное и можетъ напоминать только старинную загадку: безъ окошекъ, безъ дверей, полна горница людей. Отгадавъ этой замысловатой загадки, какъ извѣстно, очень проста: огурецъ. Что же касается загадки политическаго хроникѣра «Слова», то отъ ближайшаго ея разсмотрѣнія я себя увольняю. Скажу только—и въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, даже не особенно внимательный читатель—что нѣкоторые его товарищи по дѣлу той же политической хроники, въ томъ же «Словѣ» и даже въ томъ же № «Слова» употребляютъ приемы, диаметрально противоположные приемамъ г. И. Л. Сравните, напримѣръ, его статью съ рядомъ напечатанной статей г. Жиккѣ «Политическій кризисъ во Франціи».

Отмѣтивъ этотъ двусмысленный характеръ вышедшихъ до сихъ поръ номеровъ «Слова», слѣдовало бы перейти къ болѣе обстоятельному разбору нѣкоторыхъ статей и въ особенности статей г. Антоновича, играющихъ въ почтенномъ журналѣ одну изъ самыхъ выдающихся ролей. Но въ то время, какъ я писалъ все предыдущее, въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» появилось письмо г. Антоновича, которое я перепечатывалъ дѣликомъ:

«По выходѣ въ свѣтъ 3-й книги журнала «Слово», я отказался отъ всякаго участія въ этомъ журналѣ. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать заявленіе это и объяснить въ общихъ чертахъ причину такого отказа, въ виду слѣдующаго обстоятельства:

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые подписались на журналъ «Слово», между прочимъ, въ надеждѣ встрѣчатъ въ немъ мои статьи и въ томъ ожиданіи, что я буду имѣть хоть нѣкоторое вліяніе на направленіе этого журнала. Поэтому я убѣдительно прошу этихъ расположенныхъ ко мнѣ подписчиковъ извинить меня, что я былъ невольною причиною ихъ недоразумѣнія и невольно ввелъ ихъ въ заблужденіе. Я и самъ сдѣлался жертвою подобнаго же недоразумѣнія и заблужденія. И я вступилъ въ журналъ «Слово» единственно въ надеждѣ, что онъ будетъ мнѣ по сердцу и будетъ держаться направленія, которому я сочувствую; я имѣлъ основанія для такой надежды. Но надежда моя не оправдалась.

«Вопреки моимъ ожиданіямъ и совѣтамъ, редація журнала «Слово» не считала нужнымъ придерживаться какого нибудь опредѣленнаго направленія, а видимо желала сдѣлать изъ своего журнала простой сборникъ статей. Я совѣтовалъ редакціи обратить преимущественное вниманіе на внутренніе вопросы, на внутренній отдѣлъ журнала, и для этого рекомендовалъ подходящихъ сотрудниковъ; но редакція не приняла этихъ сотрудниковъ и вообще предпочла усиленно заниматься иностранными дѣлами и расширить въ журналѣ внѣшній отдѣлъ, вслѣдствіе чего и вышла, напримѣръ, та вопиющая несообразность, что въ 3-й книгѣ «Слова» на *четыре* статьи по текущимъ иностраннымъ дѣламъ нѣтъ *ни одной* статьи по текущимъ русскимъ дѣламъ. Далѣе я совѣтовалъ редакціи вести дѣятельную полемику съ литературными ор-

гаками и литераторами, вліаніе которыхъ мнѣ казалось гибельнымъ. Редакція не принимала такихъ совѣтовъ, а вмѣсто того нашла болѣе дѣлесообразнымъ напечатать непристойную полемическую статью противъ гг. Михайловскаго и Лесевича, въ литературномъ вліаніи которыхъ я не вижу ничего гибельнаго. Помѣщеніе въ журналѣ, вопреки моему совѣту, этой статьи и еще другой, столь же недѣльной, подъ заглавіемъ «Прерванная переписка», и было непосредственнымъ поводомъ къ моему отказу отъ всякаго участія въ журналѣ «Слово».

«Въ заключеніе еще разъ прешу извиненія у тѣхъ подписчиковъ, которыхъ привлекло къ «Слову» мое бывшее участіе въ немъ. Я увѣренъ, что они одобряютъ мой отказъ, вынужденный нежеланіемъ даже косвенно прикрывать моимъ именемъ литературныя безобразія».

Вслѣдъ затѣмъ редакція «Слова» напечатала въ тѣхъ же «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» свое объясненіе, которое подтверждаетъ фактъ большихъ внутреннихъ неурядицъ въ «Словѣ»: г. Антоновичъ былъ недоволенъ редакторами и находилъ ихъ выборъ статей дурнымъ, редакторы точно также относились къ г. Антоновичу. Изъ всего этого слѣдуютъ два вывода.

Во-первыхъ, г. Антоновичъ былъ до того возмущенъ статьей г. Ла-Серды, что она послужила непосредственнымъ поводомъ къ его выходу изъ «Слова». Если принять въ соображеніе, что г. Антоновичъ никогда не пыталъ особеннаго благоволенія къ «Отечественнымъ Запискамъ», то ужъ изъ этого можно заключить о довольно таки значительной неопратности статьи г. Ла-Серды. Объ этомъ, впрочемъ, потомъ.

Во вторыхъ, о «Словѣ» говорить еще рано. Дѣйствительно, всѣ три вышедшія до сихъ поръ книжки составлены подъ сильнымъ вліаніемъ домашнихъ неурядицъ, и со стороны нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что именно составляетъ здѣсь слѣдъ выбывшаго г. Антоновича и что должно быть поставлено на счетъ оставшейся редакціи. Значитъ, надо еще подождать, чтобы судить, каковъ будетъ почтенный журналъ въ своемъ настоящемъ видѣ, то есть минусъ г. Антоновича. Говорить о статьяхъ самого г. Антоновича тоже не приходится. Я стою на томъ, что онъ все время своего недолгаго сотрудничества въ «Словѣ» не безъ искусства утаивалъ въ мѣшкѣ нѣкоторое шило, но счеты, какіе могли бы быть ему по поводу этого шила представлены, теперь сводить не время: г. Антоновичъ былъ и теперь его нѣтъ. Что же касается до его вполне справедливыхъ разсужденій о необходимости для журналиста добросовѣстнаго отношенія къ своему дѣлу, то, какъ ни хороши они, его поступокъ лучше. Я готовъ допустить, что объясненіе редакціи «Слова» отчасти справедливо, то есть, что г. Антоновичъ выбылъ потому, что ему не была предоставлена въ журналѣ роль, на которую онъ претендовалъ. Но если онъ требовалъ такой роли для обезпеченія журнала отъ статей въ родѣ «Краткаго объясненія» г. Ла-Серды, а жалѣю, что онъ ея не добился, и радъ, что, не добившись, онъ рѣшилъ оставить «Слово». Не потому, разумѣется,

радѣ, что наша литература еще на одного человека обидѣла, а потому, что поступкомъ своимъ г. Антоновичъ подтвердилъ искренность своихъ требованій добросовѣстности отъ журналистики и далъ примѣръ добропорядочности тѣмъ, кто можетъ руководствоваться примѣрами. Редакція «Слова», имѣвшая непосредственныя непріятныя столкновения съ г. Антоновичемъ, можетъ, разумѣется, оставаться при особомъ мнѣніи, но я не думалъ, чтобы у кого-нибудь посторонняго хватило духу лягнуть г. Антоновича въ догонку. И, однако, такіе люди нашлись: «Новое Время» не погнушалось. Да и чего, въ самомъ дѣлѣ, переживать. Г. Антоновичъ, судя по плодovitости, обнаруженной имъ въ «Словѣ», хотѣлъ говорить, и много говорить. Отъ этого, законнѣйшаго для писателя желанія г. Антоновичъ отказывается, потому что находитъ обстановку, при которой ему приходится дѣйствовать, не соответственной его идеаламъ—другъ Тряпичкинъ! вотъ пицца для твоего сатирическаго ума! ты, готовый писать какъ угодно, гдѣ угодно и что угодно, ты, готовый сегодня же, сейчасъ же съечь все, чему поклонился вчера, и разбить лобъ передъ тѣмъ, подо что вчера подводилъ чадный факель своего сомнительнаго остроумія—ты долженъ кипѣть желчью при видѣ добропорядочнаго поведенія...

Я хотѣлъ бы, однако, сказать нѣсколько словъ о статьѣ г. Антоновича «Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы» (№ 2), и то, впрочемъ, больше для того, чтобы защитить одно имъ въ этой статьѣ забракованное мнѣніе. Отверженно говоря, прочитавъ статью г. Антоновича, я не узналъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состоятъ причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы. Онъ, кажется, думаетъ объяснить все дѣло смертью и вообще отсутствіемъ или долговременнымъ молчаніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ дѣятелей, игравшихъ нѣкогда болѣе или менѣе значительную роль и которыхъ г. Антоновичъ разумѣетъ въ формулѣ: «Добролюбовъ и его друзья». Онъ связываетъ эти обстоятельства съ «внѣшними неблагоприятными для литературы условіями». Я не могу себя представить, чтобы подобную мысль можно было серьезно отстаивать. Безъ сомнѣнія, внѣшнія неблагоприятныя для литературы условія всегда тяжело на ней отзываются. Справедливо также, что смерть, отсутствіе и молчаніе видныхъ литературныхъ дѣятелей не могутъ имѣть хорошихъ для литературы послѣдствій. Но въдѣ внѣшнія условія никогда особенно благоприятныя литературѣ у насъ не были, а чтобы всѣ видныя литературныя дѣятели извѣстнаго момента вдругъ исчезли, не оставивъ даже ничего на сѣмена — этого и вообще не бываетъ, да и у насъ не было. Чтобы оцѣнить всю слабость объясненія г. Антоновича, возьмите во вниманіе вотъ что. Некрасовъ, гг. Щедринъ, Островскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), Л. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Тургеневъ составляютъ послѣднюю полнуювѣсную горсть крупныхъ

беллетристическихъ талантовъ, брошенную намъ исторіей нашей литературы. Позднѣйшія литературныя поколѣнія, со включеніемъ «Добролюбова и его друзей», не выставили ничего подобнаго, хотя вы можете указать тамъ и сямъ недоужинные таланты. «Добролюбовъ и его друзья» уровня беллетристики не подняли, а исчезновеніе ихъ (допуская что они исчезли) этого уровня не понизило. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, частную область литературы, весьма мало на себѣ испытавшую прямое вліяніе присутствія и отсутствія Добролюбова и его друзей и, однако, находящуюся не въ удовлетворительномъ состояніи. Сваливать въ этомъ отношеніи все на внѣшнія неблагоприятныя условія тоже не годится. Въ чемъ же дѣло?

Возьмите, напримѣръ, г. Иванова, чрезвычайно талантливаго автора очерковъ и разсказовъ, печатающихся у насъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Талантъ несомнѣнный и несомнѣнно большой. Это даже газетные критики, наконецъ, поняли. Однако, въ числѣ «всероссійскихъ фаворитовъ» (выраженіе одного моего пріятеля), какими у насъ были въ свое время гг. Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, онъ не значится. Сравнить этихъ писателей по таланту нѣтъ ни повода, ни надобности, потому что будь г. Ивановъ даже вдесятеро даровитѣе, всероссійскимъ фаворитомъ онъ все-таки не былъ бы. Есть люди, съ величайшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдящіе за его дѣятельностью, и я думаю даже, что напряженность этого вниманія далеко превосходитъ то, что въ этомъ смыслѣ выпадало въ свое время на долю признанныхъ звѣздъ первой величины нашей беллетристики. Но есть также въ числѣ читающей публикѣ люди, для которыхъ г. Ивановъ не представляетъ никакого интереса. Это зависитъ совсѣмъ не отъ степени и свойствъ его таланта, а оттого, что вообще время всероссійскихъ фаворитовъ прошло или, по крайней мѣрѣ, проходитъ. Очень трудно найти задачу, которая интересовала бы примѣрно всѣхъ читателей, а тѣмъ паче трудно найти точку зрѣнія для трактованія этой задачи, которая бы всѣмъ угодила. И тутъ не о чемъ печалиться, потому что дѣло сводится опять-таки на то же исчезновеніе «литературнаго челоуѣка», на прекращеніе уваженія въ абстрактной литературѣ и на выясненіе интимныхъ задачъ и стремленій общества путемъ литературы. Если въ обществѣ существуютъ разнообразныя стремленія и задачи, такъ что одинъ близки сердцу такихъ-то людей, а другія—инныхъ, то отраженіе этого порядка вещей на литературѣ совершенно закономерно, необходимо и свидѣтельствуетъ отнюдь не о паденіи литературы, а, напротивъ, о ея жизненности. Еслибы судьба г. Иванова стояла совсѣмъ одиноко, тогда можно бы было, конечно, объяснить ее личными его особенностями, не подлежащими никакимъ обобщеніямъ и не дающими права строить на нихъ какія-нибудь заключенія о современномъ состояніи литературы. Но дѣло стоитъ не такъ. Въ наличности нѣтъ ни од-

ного всероссійскаго фаворита изъ сравнительно молодыхъ беллетристовъ, и если вы потрудитесь обсудить причины этого явления, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о талантѣ, вездѣ найдете ту же невозможность всероссійскаго фаворитизма, которая, впрочемъ, понятна и а priori. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, заинтересовать, напримѣръ, даже чрезвычайно просвѣщеннаго желѣзнодорожнаго дѣятеля или губернскаю львицу интимнѣйшими душевными волненіями нынѣшняго порядочнаго молодого человѣка? Между тѣмъ, какъ прежде стояло только талантливо рассказать исторію любви этого молодого человѣка, чтобы заставить такъ или иначе заиграть золоту арфу души такого же точно дѣльца и такой же точно львицы. Я беру, конечно, рѣзкій примѣръ: не все только «про любовь намъ сладкій голосъ пѣлъ» и прежде, и читатели не силошъ изъ дѣльцовъ и львицъ состояли. Но общее положеніе дѣла, полагаю, намѣчено мною вѣрно. Задачи, напримѣръ, «Записокъ Охотника» Тургенева или слабыхъ, забытыхъ людей Достоевскаго были такъ общи и элементарны, что могли интересовать примѣрно всю тогдашнюю, сравнительно мало образованную Россію, со включеніемъ дѣльцовъ и львицъ. А по нынѣшнему времени эти задачи слишкомъ неопредѣленны. Отношенія обострились, и если нынѣ люди, вздыхающіе по добрымъ старымъ временамъ, должны довольствоваться вмѣсто Тургенева и Гончарова какими-нибудь «Бархатными ногтями», или уголовнымъ романомъ, или произведеніями г. Авсеенки, то плакать объ этомъ нечего.

Есть, однако, и еще одна сторона вопроса. Вернемся къ г. Иванову. Почему этотъ несомнѣнный талантъ такъ склоненъ къ оборваннымъ очеркамъ и къ пересыпанію художественныхъ образовъ и картинъ комментаріями публицистическаго свойства? Вы видите, что человѣкъ этотъ по натурѣ художникъ и большой, то есть обладаетъ сильною творческою способностью, а между тѣмъ какія-то стороннія обстоятельства заставляютъ его не полагаться на свою изобразительную способность. Конечно, тутъ, какъ это и всегда бываетъ, не одна причина дѣйствуетъ. Нынѣшній беллетристъ прежде всего не такъ обставленъ, чтобы сидѣть цѣлыми годами надъ одной вещью, постепенно обрабатывая и подчищая ее. Затѣмъ, тутъ сказывается извѣстная страстность отношенія къ дѣлу: человѣкъ хватается для выраженія своихъ мыслей и чувствъ первое попавшееся оружіе: попался ему удачный образъ, онъ пускаетъ его въ ходъ, а нѣтъ — такъ онъ и самъ выскакиваетъ впередъ и аргументируетъ, и поясняетъ прямо отъ своего собственнаго лица. Писатель самъ переживаетъ въ моментъ писанія тѣ психическіе процессы, которые совершаются въ его дѣйствующихъ лицахъ или въ томъ, повидному, произвольно выбранномъ лицѣ, съ точки зрѣнія и отъ имени котораго ведется рассказъ. Переживаетъ совсѣмъ не въ смыслѣ повторнаго акта, простого воспроизведенія извѣстной группы

наблюдений и чувствъ, законченной, уложенной на свое мѣсто въ памяти, сданной, такъ сказать, въ архивъ и вытребывающейся для справокъ. Такъ какъ дѣло это очень интимное и въ душу отдѣльнаго писателя по поводу его залѣзать не приходится, да и ошибиться можно, то я замѣчу, что въ отношеніи отрывочности и незаконченности г. Ивановъ стоитъ опять-таки не одиноко. Романовъ, повѣстей, разсказовъ, драмъ, комедій пишется теперь не меньше, чѣмъ когда-нибудь, но всё они рѣдко раздѣляются на двѣ группы: все законченное—старо, все новое—незакончено; старо или ново по мотивамъ, закончено или незакончено по формѣ. И это, очевидно, не простая случайность. Что старыя, давно знакомыя, изжитыя темы и мотивы являются въ законченномъ видѣ, хотя разрабатываются различными степенями таланта и бездарности—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, достойнаго разсмотрѣнія. Понятно, что, имѣя передъ глазами образцы часто высокаго достоинства, не мудрено даже для бездарности скрывать романъ, повѣсть, драму на мотивы, несчетное число разъ эксплуатируемыя. Посмотрите, напримѣръ, какъ округлены, несмотря на свою плоховатость, романы г. Авсъенки, которому не даютъ спокойно спать лавры Льва Толстого. Посмотрите, какъ законченъ въ послѣднемъ романѣ самого Толстого, напримѣръ, очеркъ исторіи любви Карениной и Вронскаго, и какъ блѣднѣетъ, отрывочнѣетъ образъ Константина Левина, мотивированный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко не шаблоннымъ образомъ. Левинъ (покуда авторъ не направилъ его въ стойло) полонъ жажды обновленія, онъ хочетъ новой жизни, рѣзко отличной отъ всего, что онъ привыкъ кругомъ себя видѣть и что составляетъ для него предметъ насмѣшки, преврѣнія, негодованія и, въ лучшемъ случаѣ, сожалѣнія. Ему точно закрыты всѣ жизненные пути, по которымъ свободно и гордо гуляютъ остальные дѣйствующія лица романа и которые, по скольку онъ самъ въ нихъ причастенъ, являются для него источникомъ мучительныхъ процессовъ покаянія, стремленія вонъ, на волю, въ другія, свѣжія сферы, въ тѣ самыя, куда Мефистофель приглашалъ Фауста на кухнѣ вѣдьмъ. Это мотивъ въ русской беллетристикѣ совсѣмъ новый. И, пожалуйста, не смѣшивайте мотива съ темой, психологическаго момента и фабулой разсказа. Если взять виѣшнюю только исторію людей, въ родѣ Левина, то написать на эту тему вполне законченную беллетристическую вещь совсѣмъ не трудно, и примѣры эти, хотя въ очень ограниченномъ количествѣ—разъ, два, да и обчелся—однако, бывали. Но ввести въ разсказъ живую струю самаго психическаго процесса во всѣхъ его тонкостяхъ и подробностяхъ и, въ то же время, дать вещь цѣльную, законченную, которая сама за себя говорить, безъ авторскихъ комментариевъ—въ высшей степени трудно. Психическій моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ новъ и оригиналенъ, что изображеніе его совершенно недоступно

тому, кто лично на себя не переживает его, хотя отчасти. А тот, кто его переживает, не может отнестись къ дѣлу настолько спокойно, чтобы войти въ условныя рамки романа или драмы съ завязкой, развитіемъ, коллизіями и развязкой. Представьте себя, что самъ Левинъ вздумалъ писать романъ въ тѣ времена, когда онъ раздумываетъ о своемъ внутреннемъ состояніи на сѣнокосѣ или подвергаетъ себя строгому самодопросу въ разговорѣ съ Облонскимъ на охотѣ. Ясно, что романа онъ не напишетъ. Отъ всей своей привычной обстановки, а слѣдовательно и отъ обычныхъ мотивовъ романа онъ далеко: если помните, для него въ это время и его возлюбленная Китти отступаютъ совсѣмъ на задній планъ. Свое же особенное психическое содержаніе онъ естественно не можетъ настолько, какъ говорятъ нѣмцы, объективировать, чтобы встать въ отношеніи къ нему въ положеніе посторонняго зрителя. Онъ самъ такъ полонъ тѣмъ психологическимъ мотивомъ, который одинъ только и способенъ его занимать, самъ такъ тревожно и скептически относится къ каждому своему шагу, что не можетъ не обрывать разсказа, не высказывать впередъ и т. п. Подождите, пока уляжется это душевное смятеніе, завершится такъ или иначе психическій процессъ—и Левинъ дадутъ беллетристику, не уступающую старой въ дѣльности и законченности. Теперь же они, обладая, можетъ быть, огромными талантами, или вовсе не принимаются за романъ, или расходуется на пробы, по необходимости не удачныя и не доходящія поэтому до читателей, или, наконецъ, даютъ обрывки и помѣсь беллетристики съ публицистикой. А между тѣмъ, все чуткое и очень талантливое непременно должно притягиваться сюда, потому что тупая и неразборчивая бездарность новыхъ путей не ищетъ и осмѣляетъ читателей старыми погудками на старый ладъ, приправляя ихъ для праности головодщиной.

Такимъ образомъ голый фактъ пониженія уровня беллетристики нельзя не признать. Но онъ свидѣтельствуетъ о ростѣ мысли, уясненіи идеаловъ, сближеніи литературы съ жизнью. Въ выработкѣ этого результата, конечно, принимали косвеннымъ образомъ, огромное участіе и «Добролюбовъ и его друзья», за что имъ вѣчная благодарность. Но не трудно видѣть, что исторія на нихъ не остановила своего теченія, что ростъ мысли и выясненіе идеаловъ безостановочно продолжаютъ. И нужно скорбѣть не о томъ, что мы имѣемъ мало законченныхъ беллетристическихъ произведеній, а объ томъ, что старыхъ погудокъ на старый ладъ печатается еще слишкомъ много. Это показываетъ, что мысль растетъ, идеалы выясняются, становятся ближе сердцу писателей, но все это происходитъ въ очень маленькой кучкѣ людей, а все остальное пробавляется чѣмъ Богъ пошлетъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи мы видимъ не кажущееся только, а дѣйствительное паденіе беллетристики. Разборъ трехъ четырехъ шаб-

лонныхъ романовъ или драмъ, которымъ я теперь не могу заняться, показалъ бы съ полною ясностью, что иначе и быть не можетъ.

Совершенно тоже самое замѣчаемъ мы и въ другихъ сферахъ литературы и не только литературы, а и жизни: рѣшительный прогрессъ въ небольшой сравнительно кучкѣ людей и пониженіе въ остальномъ. Это пониженіе, естественно сильнѣе бросающееся въ глаза, а потому выдаваемое за общее, безысключительное положеніе дѣла, ни для кого не составляетъ тайны. Ему придумывались разныя объясненія. Г. Антоновичъ, бѣгло ихъ перечисляя, говоритъ объ одномъ изъ нихъ слѣдующее: «Говорить, что наша литература хирѣетъ и чахнетъ... оттого, что она не имѣетъ живой связи съ народомъ, то-есть съ простымъ народомъ и именно съ тѣмъ простымъ народомъ, который живетъ въ деревнѣ. Чего же можно ожидать, кромѣ фантазерства или мертвечины, отъ подобной кабинетной, книжной литературы, не выдавшей и въ глаза тѣхъ людей, на которыхъ должна быть направляема ея заботливость? Къ сожалѣнію, люди, рассуждающіе такимъ образомъ, не говорятъ, когда именно литература порвала живую связь съ деревенскимъ народомъ и существовала ли вообще когда-нибудь такая связь, такъ что остается неизвѣстнымъ къ какому времени относится ихъ упрекъ, къ современной ли только литературѣ или вообще ко всей новой и древней русской литературѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она начала существовать—съ самаго появленія «Слова о полку Игоревѣ». Эта мысль о разобщенности между литературою и деревенскимъ народомъ есть ничто иное, какъ повтореніе подобной же мысли, выразившейся нѣкогда знаменитой фразой: «мы оторвались отъ почвы». Въ свое время мы подробно занимались въ «Современникѣ» этою мыслью или, лучше, этою фразой, оцѣнили ея значеніе и разъяснили ея настоящій смыслъ или, лучше сказать, отсутствіе въ ней опредѣленнаго смысла и осязательной мысли, и при этомъ льстили себя надеждой, что мы окончательно, на вѣки похоронили эту мысль или фразу, а вотъ она ожила и возродилась изъ своего праха. Эта мысль, какъ въ первомъ ея изданіи—въ видѣ оторванія отъ почвы, такъ и во второмъ—въ видѣ разрыва связи съ деревенскимъ народомъ, находится въ родствѣ съ славянофильствомъ».

Одно изъ двухъ: или г. Антоновичъ стрѣляетъ въ этой тирадѣ изъ пушки по воробью, или онъ уклоняется отъ оцѣнки дѣйствительно серьезной мысли. Представленное имъ объясненіе неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы было высказано въ «Недѣлѣ» и, хотя и обратило на себя нѣкоторое вниманіе, но никакой поддержки себѣ въ литературѣ не встрѣтило. Напротивъ, оно было отвергаемо съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и было вообще такъ плохо обставлено, что имъ, несмотря на удобный случай, почти не воспользовалась даже наиболѣе

славянофильствующая и шовинистская газета — «Новое Время». И теперь, когда сама «Недѣля», кажется, отступилась от своего объяснения или, по крайней мѣрѣ, оставила его втунѣ, теперь не представляется никакой надобности такъ пространно характеризовать его, да еще и объявлять на него походъ. Но, сдѣлавъ въ объясненіи «Недѣли» нѣкоторыя, съ виду маленькія, а въ сущности очень большія поправки, мы получимъ мысль, заслуживающую полнаго вниманія г. Антоновича и редакціи «Слова». Поставьте только вмѣсто словъ: «живая связь съ деревенскимъ народомъ» слова: живая связь съ интересами народа, пожалуй даже деревенскаго, такъ какъ большинство русскаго народа деревенское. Тогда не будетъ надобности для разъясненія момента «разобщенія» подниматься во временахъ царя Гороха и Слова о полку Игоревѣ, а достаточно будетъ для г. Антоновича подняться къ собственнымъ его воспоминаніямъ. Въ тѣ времена, когда г. Антоновичъ еще только началъ украшать собою горизонтъ русской литературы, живая связь литературы съ интересами народа несомнѣнно существовала, хотя можетъ быть лично для г. Антоновича она и не была вполне ясна. Это было время освобожденія крестьянъ, котораго въ такихъ или иныхъ формахъ вся литература, за малыми исключеніями, горячо, разумѣется, желала. Пусть многіе играли роль послушнаго эхо, пусть многіе горячились просто въ восторгѣ чувствъ, которому неизбежно предстояло скоро охладѣть, пусть вообще тутъ было много напускнаго, но литература во всякомъ случаѣ за честь себѣ поставляла стоять на стражѣ интересовъ народа, такъ что даже отъявленные крѣпостники принуждены бывали надѣвать соотвѣтственную маску. Имъ приходилось стоять на точкѣ зрѣнія «улучшенія быта» и доказывать, что, въ собственныхъ интересахъ мужика, его, лѣнливаго, порочнаго и пьянаго, надо держать въ уадѣ, или что, опять таки въ его собственныхъ интересахъ, его надо освободить отъ земли. Такимъ образомъ, интересы народа, волею неволею, стали центромъ всѣхъ литературныхъ распрей. Это былъ кардинальный вопросъ, и очень ошибся бы тотъ, кто вадумалъ бы утверждать, что тогдашняя передовая литература билась единственно изъ-за просвѣщенія, свободы или ка-когонибудь другаго отвлеченнаго начала. Всего этого она хотѣла, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно понимала, что ни одно изъ этихъ благъ не можетъ быть достигнуто безъ прочнаго обезпеченія интересовъ народа. Въ этомъ смыслѣ рѣшались не только чисто практическіе вопросы о формахъ землевладѣнія, о выкупѣ и проч., но и теоретическіе вопросы — о значеніи науки, искусства, философіи. И литература была права. Она обнаружила большой талантъ и чувство самосохраненія, потому что у насъ, за малымъ развитіемъ культурныхъ классовъ, литература, не говоря о прочемъ, даже изъ чувства самосохраненія должна нести опору въ интересахъ народа. Разумѣю опору нравственную: ли-

тературѣ не во что больше вѣрить, не на что надѣяться, нечего любить. Затѣмъ наступило, по волѣ судьбы, «разобщеніе», продолжающееся и до сихъ поръ. Однако мысль объ интересахъ народа, какъ кардинальномъ вопросѣ литературы, не затерялась безслѣдно. Напротивъ, она, съ перерывами, опредѣляемыми внѣшними причинами, продолжала развиваться, такъ что теперь нѣсколько даже странно видѣть отсутствіе ея въ литературныхъ обзорѣніяхъ «Слова». Я, признаться, былъ увѣренъ, что встрѣчу ее въ видѣ profession de foi новаго журнала и потому именно такъ искренно желалъ ему успѣха. Впрочемъ, это въ скобкахъ.

Повидимому, нынѣшнія разсужденія объ интересахъ народа осложнились однимъ не совсѣмъ подходящимъ привѣскомъ. Можно очень часто и въ устныхъ разговорахъ услышать, и въ печати увидѣть толки о величій «правды народной», о многообразныхъ достоинствахъ мужика и т. п. Толки эти принимаютъ разнообразныя формы, до такой степени разнообразныя, что вводить ихъ всё за одну скобку отнюдь не полагается. Безспорно, что нѣкоторые изъ нихъ крайне несимпатичны по своей приторности, фразистости, осложняющимися еще, вдобавокъ, національнымъ самохвальствомъ, худшимъ и пагубнѣйшимъ изъ всѣхъ грѣховъ, какими можемъ грѣшнить литература. Однако, это не единственная существующая форма толковъ о величій «народной правды». Чтобы найти другую форму, стоить только развернуть въ томъ же «Словѣ» прекрасную статью г-жи Ефименко, «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ». Статья эта дѣйствительно очень хороша, хотя нѣсколько натянута. Г-жа Ефименко желаетъ доказать, что, по народному обычному праву, трудъ есть единственный источникъ собственности и что то же уваженіе къ труду проходитъ по всѣмъ отдѣламъ права. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что «даже женихъ требуетъ съ невесты, которая нарушила заключенный свадебный договоръ, вознагражденія за рабочий день, потраченный на проѣздъ къ ней». Кромѣ фактическаго выясненія роли труда въ обычномъ правѣ и опредѣленія типическаго отличія обычнаго права отъ дѣйствующаго законодательства, авторъ имѣетъ въ виду показать и преимущество перваго передъ послѣднимъ, то есть, показать величіе народной правды. Едва ли, однако, возможно объяснить всё приводимые авторомъ случаи торжествомъ трудового начала и едва ли можно во всѣхъ подобныхъ случаяхъ видѣть нѣчто очень хорошее и желательное съ точки зрѣнія самой г-жи Ефименко. Въ кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» г. Кистяковскій сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ. Мировой судья одной изъ южно-русскихъ губерній получилъ прошеніе такого содержания: «Крестыанинъ села Ж. Я. Д., въ прошломъ 1874 г., нанялъ меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 руб. и такъ какъ въ настоящемъ 1875 г. родилось у его жены отъ меня дитя мужскаго полу, то я началъ требо-

вать отъ него слѣдующее отъ него 10 руб., но Я. Д. началъ еще смѣяться и ругать меня непристойными словами, а по сему честь имѣю покорнѣе просить вызвать въ камеру свою отаѣтчика Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ поэтому дѣлу, Т. Д., С. Д. и Л. Н., что и священнику извѣстно, и не оставить рѣшеніе о взыскаініи слѣдующихъ 10 р. и судебныхъ путевыхъ издержекъ 15 р., въ чемъ и подписуюсь крестьянинъ с. Ж. Я. Д. 1875 г. іюля 27-го дня». Привлеченные къ уголовной отвѣтственности, участники этой сдѣлки и свидѣтели въ первый разъ узнали отъ полиціи, что за подобныя дѣйствія имъ грозитъ тяжкая уголовная кара. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ и возможно открыть торжество трудового начала (тогда нужно признать его и въ проституціи), но прилести сюда величіе народной правды едва ли у кого повернется языкъ. Это нисколько, однако, не отнимаетъ у статьи г-жи Ефименки ея общаго значенія. Въ принципѣ, я полагаю, она совершенно права. Несомнѣнно, что трудъ способенъ быть источникомъ и нормою права; что гражданскому праву предстоитъ большая переработка въ этомъ направленіи; что нынѣшнему специалисту юристу очень трудно съ этимъ согласиться и даже понять юридическое значеніе труда (если г. Гольмстенъ, возражавшій г-жѣ Ефименко въ «Русскомъ Обзорнїи», доказалъ что нибудь, такъ только это); что народное обычное право типически отлично отъ дѣйствующаго писанаго закона; что трудъ, какъ юридическій факторъ, играетъ въ обычномъ правѣ весьма важную роль и поэтому самому народная правда отличается нѣкоторыми драгоценными особенностями, совпадающими съ нѣкоторыми крайними результатами, добытыми мыслью цивилизованныхъ людей.

Въ этихъ общихъ положеніяхъ я не вижу нетолько ничего такого, что свидѣтельствовало бы о паденіи русской мысли со временъ «Добролюбова и его друзей», но, напротивъ, вижу дальнѣйшее ея развитіе, углубленіе и выясненіе. И въ тѣ времена приходилось, по поводу разсужденій о лѣности, порочности и пьянствѣ мужика, доказывать, что мужикъ — такой же человѣкъ, какъ мы съ вами, а во многихъ отношеніяхъ даже лучше будетъ. У Добролюбова можно найти (въ статьяхъ о Маркѣ Вовчкѣ и другихъ) чрезвычайно яркія въ этомъ отношеніи страницы. Такое отношеніе къ народу совпадало и съ другими задушевыми вещами тогдашней литературы. Будучи поставленъ правильно и во всей своей широтѣ, вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русский народъ, а весь трудащійся людъ всего цивилизованнаго міра Недаромъ, кажется, г. Достоевскій острѣе насчетъ «всемирнаго мужика» или «всемужика». Отсюда вытекало извѣстное, вполне опредѣленное отношеніе къ исторіи и результатамъ европейской цивилизаціи и нашихъ собственныхъ, замѣствованныхъ у нея формъ культуры. Если нынѣ это отношеніе стало еще яснѣе, такъ что самое слово «западникъ», хотя и повторяемое

дьякъ книги г. Лиліенфельда. Вы видите, господа, что это цѣлый обвинительный актъ, къ которому, кажется, никто не съумѣлъ бы прибавить ни одного комка гравы, и все это за то, что г. П. Л., цитируемый г. Лесевичемъ, не имѣеть, по моему мнѣнію, ничего общаго съ г. Павломъ Лиліенфельдомъ. Вотъ вамъ книга г. Лесевича, вотъ вамъ книга г. Лиліенфельда. Найдите у г. Лесевича, не то что «цѣлыя страницы», а хоть одну строчку, только одну строчку изъ книги г. Лиліенфельда—и я подпишусь подъ «Краткимъ объясненіемъ» г. ла-Серды, публично объявлю себя низкимъ лжецомъ, клеветникомъ и проч. Но, милостивые государи. если вы этой строчки не найдете, то, предоставляя вамъ самимъ присказать названіе для поведенія благородной толедской шпаги, я просилъ бы васъ заявить публично, что вы были введены г. ла-Сердой въ заблужденіе.

Я долженъ благодарить редакцію «Слова» за любезный приемъ и готовность заглядѣть ошибку, сдѣланную ею, благодаря ла-Сердѣ, и поданную публикѣ въ соусомъ грязной брани и еще грязнѣйшихъ намековъ. Принявъ отъ меня нужные документы, то есть книги гг. Лесевича и Лиліенфельда, редакція обѣщала мнѣ переговорить съ самимъ рыцаремъ ла-Сердой и увѣдомить меня тотчасъ же о результатѣ переговоровъ. И дѣйствительно, я на другой же день получилъ письмо одного изъ редакторовъ, г. Короческаго, изъ котораго видно, что благородный рыцарь Сидъ-Компеадоръ ла-Серда, будучи приглашенъ исполнить предложенную мною задачу, долженъ былъ признаться, что онъ... ошибся! Сознавая неловкость своего положенія и необходимость выйти изъ него публично, редакція обѣщала мнѣ либо вытребовать отъ славнаго рыцаря письменное покаяніе для напечатанія въ газетахъ, либо напечатать объясненіе отъ себя. До сихъ поръ я еще жду исполненія этого обѣщанія...¹

Хорошо, пусть ошибся. Но какъ назвать человѣка, который, развязно разсуждая о философской литературѣ, не умѣеть отличить г. П. Л. отъ г. Павла Лиліенфельда?

Какъ назвать человѣка, который пишетъ критическую статью о книгѣ, прочитавъ ее черезъ пятое въ десятое (потому что всѣ цитаты г. Лесевича сопровождаются точнымъ указаніемъ главъ книгъ и журнальныхъ статей, на которыя онъ ссылается)?

Какъ назвать человѣка, разсыпавшаго въ печати, *по ошибкѣ*, брань и до непонятности грязные намеки?

Какъ назвать человѣка, который валить упреки въ клеветѣ, наглости и жи съ собственной больной головы на чужую здорovou?

¹ Строчки эти были уже набраны, когда я получилъ письмо г. Короческаго съ извѣщеніемъ, что редакція «Слова», по такимъ-то причинамъ (признаюсь, я не понялъ по какимъ), отказывается напечатать свое разъясненіе въ газетахъ, а откладываетъ его до ближайшаго номера «Слова».

Рыцарь ла-Серда! Какъ васъ назвать? Выбирайте себѣ самѣ имя изъ любого лексикона — испанскаго, русскаго, какого хотите... А я обращусь только съ маленькимъ совѣтомъ къ моимъ товарищамъ по журнальному дѣлу, гг. редакторамъ газетъ и журналовъ, къ которымъ когда нибудь обратится г. ла-Серда съ предложеніемъ своихъ драгоцѣнныхъ услугъ. Одинъ французскій слѣдователь, принимаясь за уголовное дѣло, спрашивалъ прежде всего: гдѣ женщина? Онъ былъ увѣренъ, что безъ женщины не можетъ обойтись ни одно преступленіе. Это гораздо парадоксальнѣе, чѣмъ слѣдующее мое предложеніе: какою бы благороднымъ видъ ни имѣла статья г. ла-Серды, какія бы высокія чувства въ ней ни выражались и на какія бы обширныя знанія автора въ ней ни намекалось — ищите: гдѣ «ошибка»?